

18 АПР. 42

Алексей СУГКОВ

МАЯКОВСКИЙ СЕГОДНЯ

Двенадцать лет тому назад, подытоживая двадцать лет своей жизни в поэзии, Владимир Маяковский через головы современников прокричал будущему:

Слушайте,
товарищи потомки,
агитатора,
горлана-главаря!
Заглуша
поэзии потоки,
я шагну
через лирические томики,
как живой
с живыми говоря...

Прошло двенадцать лет, насыщенных событиями, которых хватило бы на века. Уже подросло первое поколение «товарищей потомков», которым поэт адресовал строки «Во весь голос». И это поколение уже назвало Маяковского своим современником, приняло его стихи.

Двенадцать лет, не умолкая, звенел голос живого Маяковского по всей стране. В годы народной радости он звенел фанфарным литым серебром поэмы «Хорошо!»:

Я
земной шар
чуть не весь
обошел,
и жизнь
хороша
и жить
хорошо.
В предгрозовые, предвоенные годы голос Маяковского гремел, настораживая сердца сограждан:
НАШИ
и склады,
и мосты,
и дороги,
СОБСТВЕННЫМ,
КРОВНЫМ,
СВОИМ дорожа,
встаньте в караул,
бессонный и строгий,
сами

своей республики сторожа!
И ныне, в суровые дни великой освободительной войны против немецко-фашистских захватчиков, где-нибудь в Смоленском лесу, в паре километров от врага, с импровизированной эстрады звучит, заглушая железный крик пушек, голос Маяковского, словами любви к родине призывающего на подвиг.

Испытанные на режущем ветру времени, поэтические строки Маяковского уже обрели бессмертие, не тускнея, не покрываясь окалиной, а с ходом годов наполняясь все новыми и новыми соками жизни, отливая все новыми, ранее не примеченными оттенками звучания и смысла.

Эти солнечные знаки бессмертия увенчали титаническую работу поэта-новатора, сравнившего поэзию с добычей радия и не убоившегося изводить «единого слова ради тысячи тонн словесной руды».

В абсолютной слиянности судьбы поэта с судьбой народа, в бестрепетной вере поэта в силу и правду родной страны, в прозорливости сердца, умеющего чувствовать в сущем ростки будущего, кроются корни, питающие стихи Маяковского соками неуядаемой свежести и новизны. В сочетании с огромным поэтическим даром эти гражданские и человеческие качества личности поэта и определили то отношение народа к нему, которое выражено в словах товарища Сталина: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи».

Маяковский всегда был для нас мерилом оценки всего советских поэтов, наших современников. Сегодня, как никогда в другое время, мы вновь и вновь должны обращаться к творческому опыту Маяковского, к его поэтическому подвигу, желая видеть работу наших поэтов на уровне наших трудных и героических дней.

В дни, когда сама жизнь «к штыку приравняла перо», когда даже камни на дорогах войны кричат о мщении и подвиге, только мертвые сердцем могут молчать или плескаться в тепловатой, мутной водичке домашней вневременной лирики.

Вдохновенная примером и подвигом Маяковского, наша поэзия, в лице лучших своих представителей, разговаривает с воинами-современниками голосом твердым и громким, и голос этот не тонет в железном геме войны.

Оплодотворенное опытом Маяковского,

творчество лучших наших поэтов, разных по манере и темпераменту, в наиболее значительных из созданных за месяцы войны произведений, перешагивает грань, отделяющую иллюстрацию к истории от того, чем поэзия должна быть, т. е. голоса истории. Именно этим ценны и дороги военные стихи Тихонова, Симонова, Светлова и некоторых других русских поэтов и поэтов братских советских народов.

Желая следовать Маяковскому, наши поэты (да и все наши литераторы), должны особенно твердо помнить его слова:

У нас
поэт
событие берет.
описет
вчерашний гул,
а надо
рваться
в завтра,
вперед,
чтоб бряки
трещали
в шагу!

Этой устремленности «в завтра, вперед» часто не ощущается в произведениях многих наших поэтов и прозаиков, в силу чего произведение увядает на другой день после породившего его события.

Особенно большое значение приобретает для советской поэзии опыт Маяковского поэта-агитатора, Маяковского времен «Окон РОСТА».

Нынешняя война естественно вызвала к жизни эту замечательную форму массовой агитации средствами пера и кисти.

Сам Маяковский, вспоминая о работе в «Окнах РОСТА», говорил с гордостью и нежностью:

«Пусть вспоминают лирики стишки, под которые влюблялись. Мы рады вспомнить и строки, под которые Деникин бежал от Орла».

Разве не то же самое в будущем могут про себя сказать те наши советские поэты, слово которых звучало гневом и призывом, когда Гитлер пятился от Москвы, Ростова, Калинин, когда ленинградцы железной стеной остановили рвавшиеся к берегам Невы полчища фон-Лееба?

Очень хорошо, что опыт Маяковского-агитатора перенят группой наших художников и поэтов, создающих ныне «Окна ТАСС».

Но существенное в опыте Маяковского, к сожалению, не учтено еще многими нашими поэтами.

Наибольшая ценность такой формы агитации, как «Окна РОСТА», заключалась в том, что «Окна» были сугубо злободневны, что в них переплетались элементы агитации и информации. Это определяло и стиль и темп работы.

От нас требовалась машинная быстрота, — писал Маяковский, — бывало, телеграфное известие о фронтовой победе через сорок минут-час уже висело на улице красочным плакатом».

В «Окнах ТАСС», как правило, плакатно-сатирический или плакатно-патетический комментарий к событию появ-

ляется в витрине или на стене, не раньше, чем через две недели после события. Недавно, например, появились плакаты об окружении 16-й немецкой армии под Старой Руссой с опозданием... на полтора месяца. Из-за такой медлительности, кричаще противоречащей жанру и характеру «Окон» и характеру нашего до края наполненного событиями военного времени, пропадает одно из ценнейших качеств «Окон» — злободневность.

Надо очень серьезно вдуматься в такие слова Маяковского:

«Этого темпа, этой быстроты требовал характер работы, и от этой быстроты вывешивания вестей об опасности или о победе зависело количество новых бойцов».

«Вне телеграфной, пулеметной быстроты этой работы быть не могло. Но мы делали ее не только в полную серьезность наших умений, но и революционно зировали вкус, подымали квалификацию плакатного искусства, искусства агитации. Если есть вещь, именуемая в рисунке «революционный стиль», — это стиль наших «Окон».

«Не случайно, что многие из этих работ, рассчитанные на день, пройдя Третьяковскую галерею, выставки Берлина и Парижа, стали через десять лет вещами настоящего, так называемого искусства».

Разве можно сказать то же самое о работе в «Окнах ТАСС» таких «текстовиков», как А. Коган, А. Рохович, Машистов и некоторые другие, без «телеграфной быстроты» пекущих невыразительные, не всегда элементарно грамотные «стишки» к иногда хорошо сделанным плакатам. Обидно становится за жанр, взлелеянный Маяковским, когда, проходя по улице Москвы, читаешь приклеенные к огромному красочному плакату серенькие стишки Машистова «Партизанка», которые ни по жанру, ни по качеству не подходят «Окнам», и столь слабы, что и в стенгазете бы их не напечатали.

Равняться на опыт Маяковского — поэта трибуны, агитатора, — это значит собрать вокруг «Окон ТАСС» талантливых людей, привить им «маяковский» стиль и темп работы и категорически отвести от такого благородного и нужного дела ремесленников и халтурщиков пера и кисти.

Живой Маяковский сегодня разговаривает с живыми защитниками родины, и слова его западают в миллионы сердец.

На живого Маяковского должны равняться свои усилия и все наши поэты, отвечая, как это всегда делал Маяковский, за каждое слово полной мерой ответственности перед современниками и перед будущим.

Дайте
крепкий стих,
годочков на сто,
чтоб
не таял стих,
как дым клубный,
чтоб
стихом таким
звенеть и хватать
Перед временем,
перед республикой,
перед любимой.